

О "ВАВИЛОВЩИНЕ 2"

(Владимир Андреевич ФРОСТ, сын профессора А.В.Фроста)

Дорогой главный редактор Ю.И.Мухин! Со смешанным чувством я увидел в Вашей газете письмо В.М. Молотову о состоянии дел в химической науке СССР от 28.03.1944. Я знаком с текстом этого письма, обнаруженного мною в бумагах моего отца после его смерти в 1952 г. Однако письмо (бледная копия) не было подписано им. Было бы очень интересно увидеть это письмо с автографом моего отца. Если же имеющийся у Вас текст не содержит подписи Андрея Владимировича Фроста (я готов помочь Вам установить ее подлинность), то я хотел бы видеть разъяснение этого обстоятельства на страницах Вашей газеты. Надеюсь на понимание.

У нас нет письма с автографом Вашего отца, мы использовали такую же копию, как и у Вас. Подлинность копий Вы можете подтвердить по имеющемуся у Вас тексту.

С уважением

Ю.И.МУХИН

N 20(42) 1997-10-07

ВАВИЛОВЩИНА-2

(Профессор А.ФРОСТ, 28.03.1944.)

"Вавиловщина" - гражданский паразитизм ученых - не вчера появилась и не сегодня начала вызывать возмущение. Из анализа публикуемого материала можно сделать некоторые выводы об организационных особенностях этого явления.

В справочнике "Выдающиеся химики мира" на стр. 465-466 сообщается, что Андрей Владимирович Фрост (1906-1952 гг.), помимо теоретических работ в области термодинамики и кинетики, занимался созданием промышленных катализаторов (ускорителей химических реакций) и является классиком химии фосфора и органического катализа. По невнятным слухам, внезапно умер во время ужина. Расследование причин смерти не проводилось. (Прим. ред.)

* * *

Дорогой Вячеслав Михайлович!

В Советском Союзе существует группировка химиков, главным образом физико-химиков, возглавляемая академиком А.Н. Бахом и особенно энергично А.Н. Фрумкиным.

В этой группировке, известной мне с 1927 г., активную роль играет академик Н.Н. Семенов. Из членов-корреспондентов АН СССР в нее входят А.Н. Бродский, Я.К. Сыркин, С.С. Медведев, С.З. Рогинский, П.А. Ребиндер, Д.Л. Талмуд, Казарновский, В.Н. Кондратьев и ряд других, и профессора И.И. Жукова (ЛГУ), Темкин, Жуховский, Каргин, Ормонт, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, Д.А. Франк-Каменецкий, М.Б. Нейман и др. Из физиков с этой группой тесно связаны академики А.Ф. Иоффе, Мандельштам и их сотрудники, математик академик Соболев; члены-корреспонденты Тамм, Френкель, Ландсберг. В основном это сотрудники Карповского Института, Института Химической Физики, Днепропетровского Физико-химического института, Физико-технического института (Харьков).

С этой группой весьма сильно считаются и не решаются действовать самостоятельно в серьезных вопросах академики П.Л. Капица, С.И. Вавилов... (часть текста отсутствует - прим. ред.) ... Многие из научных работников относятся к группе академика Фрумкина либо индифферентно, либо считают ее просто группой авантюристически настроенных людей, не отдавая себе полного отчета о вредной роли ее в советской науке. Отличительными чертами группы академика Фрумкина являются:

1. Круговая порука и взаимная поддержка, маскируемые весьма поверхностным налетом неглубоких полемик между отдельными ее членами (Фрумкина с Ребиндером, Рогинского с Темкиным и Жуховицким). Особенно показателен здесь Ребиндер, который лет 10 назад откровенно предлагал ряду ученых заключать союзы по взаимной рекламе выпускаемых работ; такой союз был у него, например, с Д.Л. Талмудом (1) и заключить такой союз он пытался со мной.

2. Весьма (мягко выражаясь), осторожный стиль работ, заключающийся, главным образом, в повторении работ зарубежных ученых и их развитии, что избавляет от риска сделать ошибку. Все члены группы весьма ревниво берегут свою научную репутацию и обращают внимание на то, чтобы не сделать в своих статьях какого-либо опрометчивого и необычного по форме вывода. Поэтому они действуют не в сторону развития науки (это требует риска - можно ошибиться), а в сторону копирования апробированных на Западе образцов. Я встретился с этой группой в 1927 г. и систематически мог наблюдать ее деятельность по пропаганде новых направлений в области физической химии, развиваемых в Германии, Англии и США. До 1932-1934 гг. я весьма высоко ценил эту деятельность, возглавляемую Бахом (2), Фрумкиным (3) и Семеновым (4). Однако, начиная с 1930 г., занимаясь решением практически важных проблем, я вынужден был убедиться, что в руках этих ученых "новая наука" не помогает, а тормозит развитие промышленно-исследовательских работ в Союзе. Все внимание ими обращалось на мелкие формально-теоретические вопросы. Применение науки в промышленности и народном хозяйстве страны, как и необходимость координации развития проблем далекого будущего с сегодняшними запросами, не интересовала этих людей, и в первую очередь я обратил внимание на то, что

а) "теории", развиваемые этой группой, не помогают мне решать практические вопросы, а отвлекают от них.

б) я и мои коллеги-практики, выдвигавшие перед немногими молодыми сотрудниками практически важные задачи, постепенно лишались сотрудников наиболее энергичных и сообразительных, так как для получения ученой степени от них требовалось решение практических вопросов, что заставляло их тратить много энергии и времени, тогда как в лабораториях "группы" они, подражая стандарту немецких или американских ученых, без особого напряжения, но, конечно, и без особого научного результата, могли решать "теоретические" вопросы и быстро делать научную карьеру.

За границей у них появляется много друзей, купленных за выгодные приглашения в СССР - для чтения лекций, участия в конференциях, ведения работ в их Институтах.

Профессора Эренфест (еврей из Голландии), Норриш (Англия), Фольмер (еврей из Германии), Поланьи и братья Фаркалик (венгерские евреи из Германии), Кольтгоф (немецкий еврей, ныне в США), Гейтлер (немецкий еврей), Боденштайн (немец), Лондон (немецкий еврей), Марк (немецкий еврей) и ряд других широко их рекламируют на страницах советской и зарубежной научной литературы.

Проанализировав в 1932-1934 гг. отношение к членам этой группы со стороны иностранных профессоров, с которыми я встречался в Берлине и позже на конференциях в Москве и Ленинграде, я пришел к выводу, что поддержка, оказываемая иностранцами разным нашим людям, имеет разную подоплеку. Если лица еврейского происхождения, проживавшие в Германии, поддерживали Фрумкина, по-видимому, в расчете на то, что он их приютит в СССР, когда в Германии им станет невмоготу (а они этого ждали уже в 1930 г., если не раньше), то такие профессора как Боденштайн (рекламировавший Семенова) и Ноддак (не ругавшийся при разговорах о Фрумкине, хотя фамилий немецких евреев при нем нельзя было произносить), считали их деятельность выгодной для Германии (оба большие патриоты, Ноддак даже, как будто, активный нацист), так как им было совершенно ясно, что подражательная и оторванная от запросов жизни наука, развиваемая Фрумкиным и др., ослабляет Советский Союз. Сам Ноддак совсем не занимался "теорией" в смысле Фрумкина, а разрабатывал методы аналитического установления географического местонахождения руд, а также - методами получения из них изделий для нужд Германии и т.п. нужными Германии проблемами. Боденштайн же держал две лаборатории. В первой, главным образом иностранцев, развивалась "высокая теория" и куда могли входить все; а во второй работали только близкие ему люди, туда он никого из иностранцев не пускал.

Все это производило впечатление того, что-либо по собственной инициативе, либо по заданию германского правительства, они пытались повернуть развитие науки в СССР и в других странах в бесплодном направлении. Поэтому-то Ноддак подавлял свои антисемитские чувства в отношении Фрумкина, а Боденштайн с иронической улыбкой похваливал работы Семенова и ввел его в редакционную коллегию теоретической части издаваемого им "Журнала физической химии". Забавно, что такое учреждение как "И.Г. Фарбениндустри", не пустившая меня в свои лаборатории, а проф. К.П. Лавровского (проникшего туда под видом студента немецкого университета) удалив после первого же вопроса по существу, вскрывшего его инкогнито, свободно допустило в свои стены С.З. Рогинского и ряд других наших "теоретиков". Очевидно, либо они были там свои люди, либо, что вероятнее, немцы просто не боялись, что они могут что-либо понять.

Итак, уже в 1930 г. фрумкинская группа физико-химиков при поддержке иностранных ученых активно культивировала в СССР бесплодную для страны, но выгодную для них самих подражательную тенденцию в науке, которая, не требуя больших затрат энергии и таланта, позволяла им:

- а) быстро приобретать авторитет в науке,
- б) соблазнять легкостью успеха продвижения молодых людей, отрывая их от более сложного и трудного процесса работы над актуальными проблемами нашего народного хозяйства,
- в) организовать многочисленные кадры "теоретиков" их толка.

В результате, не дав стране ничего для развития ее мощи, а наоборот, ослабив ее, эта публика захватила в свои руки науку, определяет, или, во всяком случае, пытается определять официальное суждение о качестве научных работ, и отметила свою деятельность колоссальным количеством присужденных ее членам премий им. т. Сталина (так как им удалось захватить ведущее положение и в Комитете распределения этих премий).

Доказательством их тесных заграничных связей является:

1. Вызов для работы в одном из университетов США А.Н. Фрумкина в 1928 г., устроенный ему Колтгофом; что этот вызов не связан с авторитетом Фрумкина как ученого видно из того, что заграничные ученые, не связанные с поддерживающей Фрумкина группой, не цитируют его работ, а основоположник химии поверхностных явлений - области, в которой работает Фрумкин - Лэнгмюр тогда даже не знал о его существовании.
2. Очень скверная, кишачая ошибками и малопонятная книга Семенова издается Норришем и Хиншельвудом в Англии.
3. Семенов избирается членом Английского Химического Общества в Лондоне при содействии Хиншельвуда, который, как видно из его статей, весьма мало ценит "открытия" Семенова в области теории горения...
4. Семенов заимствует теорию Христиансена и фактически выдает ее за свою собственную. Удивительно, что Христиансен не предъявляет к Семенову никаких претензий, что может быть объяснено их соглашением, преследующим чуждые науке цели.

Временами положение группы, не давшей ничего для развития страны, становится шатким. Тогда такие авантюристы как С.З. Рогинский или Д.Л. Талмуд начинают демагогические антинаучные выступления вроде обещания увеличить активность промышленных катализаторов в 500 раз (в 1936 г. Рогинский) или "разрабатывают" известные вещи вроде "грелки Рогинского", рационализацию сахарного или вискозного производства, дорожного строительства по Талмуду или добычу золота из морской воды по Талмуду. Создав блеф и подкрепив его отзывами друзей, его быстро стараются предать забвению, что обширность компании позволяет сделать весьма легко. Затем работа путем засекречивания хоронится... а впечатление, будто что-то сделано для страны, остается. Особенно яркий пример этому является случай с азотной кислотой, которой по Семенову должны были "испражняться" тракторы, но из этого, кроме пятка диссертаций и премии Семенову (устраивал Фрумкин), ничего не вышло, но было впечатление, что Семенов старался облагодетельствовать страну.

Если бы школу Фрумкина-Семенова можно было бы обвинить только в подражании заграничным образцам, то и тогда она должна была принести большой вред стране.

Ведь ясно, что капиталистическая и фашистская наука ведут не вполне строго-научную агитацию, которую нужно уметь анализировать, нужно осторожно относиться к проповедуемым иностранцами "научным" истинам и положениям. Они могут быть не только однобокими, но и неверными. Ведь мы знаем, что Габер, стараясь внушить своими (открытыми) работами трудную осуществимость синтеза аммиака, прикидывался наивным ученым, ратуящим за неосуществимые утопические производственные методы. Однако в то же самое время Габер реально осуществлял уже этот процесс на технологическом уровне, а его статьи о малодоступности такого процесса печатались в то время, когда немцы с помощью Габера готовили тысячи и тысячи тонн взрывчатых веществ.

А что стоит история с авиабензином уже во время Второй мировой войны? Главным образом именно немцы внушили американским и русским мотористам, что ароматические углеводороды в бензине вредны, и вся американская промышленность ориентировалась на изготовление не содержащих ароматики бензинов. Мы в СССР плакались, что портим наши бензины ароматикой и наивно радовались, что немцы по бедности ее применяют, а когда война подвергла оценке эти "научные" истины на стендовых испытаниях, то оказалось, что ароматика необходима в авиабензинах, немцы ее применяли вовсе не по бедности, а умышленно, и в США пришлось перестраивать промышленность авиабензина. Таких примеров можно привести много.

Ясно, что ученые нашей страны не могут слепо доверять зарубежным и слепо равняться на их образцы. Мы должны строить свою науку, основанную на наших особенностях, особенностях потребностей и ресурсов нашего государства. Нужно воспитывать в наших ученых критическое отношение к фактам, теориям, учить мыслить их самостоятельно, чтобы не попасть на удочку к врагу. Вторым вредным следствием господства группы Фрумкина является подавление критики. В нашей научной литературе почти нет критики, нет полемики с их страстным стремлением к истине, нет горячих дискуссий. Дореволюционные русские научные журналы, выходящие теперь немецкие и американские журналы много богаче критикой, чем журналы, контролируемые и издаваемые Фрумкиным. Он и его школа боятся критики и боятся критиковать. Ведь может пострадать репутация. А репутация для них - это все. Нет идей, а идейки не дают авторитета; нет подлинных открытий, нет работы, а работками авторитет не завоеуешь. Он завоевывается поэтому круговой порукой, вздувающей липовую репутацию этих "ученых" и, не обладая ничем, кроме репутации, они так за нее держатся.

Наконец, та огромная группа научных работников, которая непосредственно работает в лабораториях Фрумкина, Семенова и т.п., а также работает в других учреждениях, подражая им, производит почти что никому, кроме авторов этих работ и их друзей, не нужную продукцию. Ведь воспитательная роль Журнала, физико-химических конференций, а также комиссий ВСНХ, Наркомтяжпрома и АН СССР, утверждающих план научных работ в республиках, очень велика, а все эти орудия находятся уже 10 лет в руках Фрумкина и его близких. Редкий ученый химик в Союзе может похвастаться независимым от этой группы мышлением. Он окружен антинаучными, отрывающими мысль от актуальных направлений влияниями группы Фрумкина и т.п.

Поэтому здесь мы сталкиваемся с еще более огромным по масштабу вреднейшим влиянием, выбивающим из участия в развитии науки в правильном направлении сотни, а может быть и тысячи одареннейших исследователей.

"Советский энциклопедический словарь" дает следующие биографические справки:

1. ТАЛМУД Дав. Львович (1900-1973), сов. физико-химик, ч.-к. АН СССР (1934). Чл. КПСС с 1940. Тр. По поверхностным явлениям и коллоидной химии. Гос. пр. СССР (1943).
2. БАХ Ал. Ник. (1857-1946), сов. ученый, акад. АН СССР (1929), Герой Соц. Труда (1945). Участник рев. Движения, народоволец; в 1885-1917 в эмиграции. Основатель школы сов. биохимиков. Иссл. химизм фотосинтеза и окислит. процессов в клетке. Установил, что в основе дыхания лежит ряд последоват. ферментативных окислит.-восстановит. реакций (перекисная теория). Организовал Физ.-хим. ин-т им. Карпова (1918) и Ин-т. биохимии АН СССР (1935, с 1944-имени Б.). Чл. ВЦИК, ЦИК СССР. Деп. ВС СССР с 1937. Пр. им. В.И. Ленина (1926), Гос. пр. СССР (1941).
3. ФРУМКИН Ал-др Наумович (1895-1976), сов. электрохимик, создатель науч. школы, акад. АН СССР (1932), Герой Соц. Труда (1965). Тр. по кинетике и механизмам электрохимич. процессов; развил представление о строении двойного электрич. слоя на границе металл-раствор. Пр. им. В.И. Ленина (1931), Гос. пр. СССР (1941, 1949, 1952).
4. СЕМЕНОВ Ник. Ник. (р. 1896), сов. ученый, один из основоположников хим. физики, основатель науч. школы, акад. АН СССР (1932), дважды Герой Соц. Труда (1966, 1976). Чл. КПСС с 1947. Создал общую количеств. теорию цепных реакций (1934). Разработал теорию теплового взрыва газ. смесей. Канд. в чл. ЦК КПСС в 1961-1966. Деп. ВС СССР в 1960-1970. Лен. пр. (1976). Гос. пр. СССР (1941, 1949), Ноб. пр. (1956, совм. с С. Хиншелвудом). Золотая медаль им. Ломоносова АН СССР (1970).